

Раздел 1

ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА: НОВЫЕ ИМЕНА

И. Н. Абатуров

ПАТЕРНАЛИЗМ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПЛАНЕ: ПРАКТИЧЕСКОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НА УРАЛЕ И ЛЕПЛЕЗИАНСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

В отечественной и зарубежной историографии недостаточно изучен вопрос о влиянии науки Урала на развитие западной научной мысли, в частности социологической. При этом влияние Европы на Урал, прежде всего культурное, в постсоветский период активно изучается. Можно назвать исследование Е. П. Пироговой, в котором достаточно подробно рассмотрено усвоение уральскими Демидовыми европейских культурных ценностей¹.

А ведь уральский опыт сыграл определенную роль в развитии школы французских социологов, ставящих своей целью поиск путей разрешения социальных противоречий. Школа получила в научной литературе название *леплезианской* — по имени своего основателя Ф. Лепле. Это название прижилось: в частности, А. Савуа использует термины «леплезианцы» и «леплезианская социология»².

К сожалению, в отечественных и зарубежных исследованиях уральское влияние на теорию Ф. Лепле изучено явно недостаточно. Как исключение можно назвать лишь небольшое исследование К. Мондея которое фактически только формулирует проблему влияния уральских научных исследований на теорию основоположника леплезианского движения³.

Кризис традиционного общества — так называемой цивилизации классической Европы⁴ — приходится на XVIII в., когда новые тенденции,

связанные с формированием индустриального общества, проявляются системно в двух ведущих странах — Англии и Франции, которые определяли «облик» всей западноевропейской цивилизации. Аграрная революция и промышленный переворот вызвали не только экономические изменения, но также социальные, политические и культурные перемены, а кроме того, появление пресловутого «рабочего вопроса». Первая половина XIX в. — это время распространения кризиса цивилизации на всю Европу. Социальным результатом этого процесса стало появление огромной массы рабочих, которые не имели другого источника существования, кроме зарплаты, и слоя предпринимателей, шокировавших аристократическое общество своей необразованностью. Все это привело к появлению огромного количества недовольных существующим политическим режимом и положением дел в экономике. Французская революция продемонстрировала, что недовольство в традиционном обществе достигло своего пика. Нельзя сказать, что лучшие умы не понимали нового цивилизационного вызова и его реальной угрозы для общества.

В такой исторической обстановке и действовал Ф. Лепле. Он много путешествовал, пытаясь найти наиболее оптимальный вариант организации отношений между предпринимателями и рабочими, которые позволяли бы, с одной стороны, наладить эффективно действующее производство, а с другой — предоставить рабочим сносные условия существования. Образцовым могло быть признано положение дел на Нижнетагильских заводах, а идеальным предпринимателем можно было признать Анатолия Николаевича Демидова.

Впервые предприниматель и ученый организовали совместное исследование в 1837 г. Целью было изучение Новороссии. Заводчик выделил на проведение исследований огромные деньги — 500 тысяч франков⁵. Интересно, что А. Н. Демидов предоставил Ф. Лепле свободу, вплоть до того, что французский ученый мог сам выбирать свой маршрут. Результатом поездки Ф. Лепле стало письмо-трактат, адресованное французскому министру о пользе развития черноморской торговли и тех выгодах, которые Франция может получить благодаря организации коммерческих связей с Новороссией. Это письмо было недавно опубликовано⁶. Несмотря на недостаточную осведомленность автора в некоторых вопросах и даже ошибочность отдельных его заключений, следует признать, что Ф. Лепле проявил себя в 1837 г. как очень вдумчивый и аккуратный исследователь, который сочетал в себе черты этнографа и социолога. Основу его теории составляли *идеи патернализма*.

Что же означает термин «патернализм»? Это понятие происходит от латинских слов *pater, paternus* — отец, отцовский. Долгое время это понятие в СССР практически не употреблялось. Мы не находим упоминаний о патернализме в толковых словарях, в частности в словаре

С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, изданном в 80-е гг. XX в. Если этот термин и встречался в специальных советских словарях по общественным наукам, то обычно его трактовали как идеологически чуждое понятие. Вот одно из определений патернализма: «идеологическая доктрина и практика монополистической буржуазии, направленная на то, чтобы отвлечь рабочих от классово-борьбы, внедрить в сознание трудящихся идеи “социального партнерства” и классового мира, побудить рабочих добровольно повышать производительность и интенсивность труда на капиталистических предприятиях»⁷.

Нет термина «патернализм» и в недавно изданном «Толковом словаре русского языка начала XXI века», основанном на детальном анализе современной литературы и публицистики. Сегодня лишь отдельные толковые словари содержат это понятие. Так, в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова это слово имеет следующие значения: 1) опека, покровительство крупных государств более мелким государствам или колониям; 2) покровительство, опека старшего младшему⁸. В «Большом словаре иностранных слов», вышедшем в 2005 г. повторены почти без изменений оба вышеупомянутые значения термина «патернализм» и добавлена третья трактовка этого слова: «Система дополнительных льгот на предприятиях за счет предпринимателей с целью улучшения отношений с сотрудниками»⁹.

Что же представлял из себя «уральский» патернализм, которым так восторгался Ф. Лепле и который вошел в леплезиянскую социальную программу. Прежде всего это была программа социальной поддержки, которая использовалась на Нижнетагильских заводах Демидовых. Она включала в себя медицинское обслуживание, выплату чрезвычайных пенсий по случаю потери кормильца семьям мастеровых и рабочих людей, а также тем «служителям», которые по старости, болезни или увечью не могли продолжать исполнять свои должностные обязанности. К числу мер социальной поддержки относилась также постройка и украшение храмов при заводах. Но не только эта система социальной помощи отличала уральских рабочих от их европейских коллег. Дело в том, что на Урале рабочие не были наемными работниками в современном смысле этого слова, поскольку зарплата не являлась для них единственным источником средств к существованию: мастеровые и работные люди получали доходы также из других источников, таких как обрабатываемые ими земельные участки, ремесла и торговля. Причем иногда эти сторонние промыслы доминировали и даже полностью подменяли собой труд на заводе. Заводчик выполнял функции патера-барина, который не только наказывал, но и опекал своих подчиненных.

Основы такой системы отношений между рабочими и подчиненными были заложены уже при первых Демидовых. Никита Акинфиевич, полу-

чив наследство после смерти отца, столкнулся с уже налаженным заводским миром, который, подчиняясь хозяину, фактически вынуждал собственника постоянно учитывать интересы зависимых от него людей. Мастерские и рабочие люди, видимо, в связи с желанием проверить нового барина на прочность, подали на него жалобу, требуя повышения оплаты. В своей челобитной на имя президента Берг-коллегии А. Ф. Томилова Н. А. Демидов в 1746 г. писал, что жалобщики «показывают себе от тех (заводских. — *И. А.*) работ обиды и раззорение напрасно», поскольку в случае утеснений крестьяне «бы домов и пожитков не нажили и могли бы и издавна бить челом, где подлежит». Более того, из челобитной Н. А. Демидова мы узнаем, что некоторые из крестьян-челобитчиков «имеют у себя торговые при заводах промыслы», а другие обучились за счет отца владельца «разным ремеслам»¹⁰.

К моменту появления Ф. Лепле на Урале патернализм уже окончательно оформился в целую систему отношений между собственником и подчиненными ему рабочими Нижнетагильских заводов. При Н. А. Демидове окончательно сформировалась система обучения служителей. Теперь кадры готовили и за границей. Расширение масштабов подготовки служителей стало закономерным следствием развития международных связей тагильской ветви Демидовых при Никите Акинфиевиче и особенно при его сыне Николае. Для изучения зарубежных рынков сбыта, закупок необходимых товаров и даже промышленного шпионажа требовались люди, знакомые с обычаями, законами и языком той страны, которая интересовала Демидовых. Конечно, на первых порах приходилось нанимать иностранцев — маклеров и всякого рода агентов. Позднее стало очевидно, что иностранцу приходилось больше платить, к тому же он был менее надежен, в отличие от своего человека, зависимого от хозяина во всех отношениях. Первые попытки отправки демидовских служителей за границу на учебу имели место после возвращения Никиты Акинфиевича из заграничного путешествия.

Посылая человека, следовало не только дать ему денег, но и найти лицо, которое будет его контролировать и надзирать за его расходами, чтобы хозяйские деньги не утекали сквозь пальцы. Чтобы исключить возможность невозвращения из Европы, отправляли учиться не просто проверенных людей, но тех, у кого в России оставались родственники. Кроме того, у крепостного при общении с иностранцами в «чужой» стране вполне могли возникнуть затруднительные обстоятельства, в которых помочь ему мог только человек, живущий в этом государстве и знающий местные законы.

Никита Акинфиевич, находясь в Лондоне, сошелся как раз с таким человеком — священником Андреем Афанасьевичем Самборским. Прибыв в британскую столицу, Никита Акинфиевич и его спутники, как пи-

шет «Журнал путешествия» Никиты Демидова, сразу же «пристали к нашему священнику г. Сомборскому, при министерстве здесь находящемуся. Он нас немедленно проводил в нанятую для нас квартиру, в улице, Кондит-стрит называемой, поблизости господина Мусина-Пушкина, министра российского двора, живущего в Вестминстере»¹¹.

Более того, А. А. Самборский даже оставил Лондон и вместе с Н. А. Демидовым съездил в июне 1772 г. в Париж. Вот что сказано об этой совместной поездке в «Журнале путешествия»: «...я же с моей стороны употребил все время с приезда нашего в Париж, показывая все, что ни есть достойного примечания в здешнем городе любезному гостю, англическому священнику господину Самбурскому, в первый раз сюда приехавшему, который за удовольствие почел и просил, чтобы везде его выводить, и несколько ему тем отплатил за все учтивости и оказанные им в бытность нашу в Лондоне услуги... ездил с ним во все увеселительные королевские дома»¹². Вполне вероятно, что парижским гидом Андрея Афанасьевича был не сам Н. А. Демидов, а его секретарь — Н. И. Крымов. Бесспорно, за поездку А. А. Самборский был весьма признателен Никите Акинфиевичу, ведь священник находился в Лондоне с 1765 г. и за семь лет ни разу не побывал во французской столице.

И после возвращения в Россию Н. А. Демидов очень ценил дружбу с А. А. Самборским. Заводовладелец с удовольствием вспоминал о том приеме, который ему устроила в Лондоне семья священника. Так, Н. А. Демидов просил дипломата Якова Ивановича Булгакова в личном письме передать «поклон неугомонной в бытность мою в Лондоне потчивальщице любезного нашего батюшки Андрея Афанасьева супруге и верно объявить ей; что он в добром здравье, и к ней нынешнего лета будет»¹³. Поэтому неудивительно, что именно Андрею Афанасьевичу был доверен контроль за учебой Ивана Шерлаимова. Сохранилось письмо Никиты Акинфиевича в Петербургскую домовую контору от 31 марта 1780 г., в котором сказано: «Священнику Андрею Афанасьевичу господину Санбургскому на содержание обучающегося в Лондоне под ево смотрением Шерлаимова сына Ивана еще на двухгодичное время вручить пять сот». При этом был прислан Николай Зубрилов, на содержание и учебу которого были выданы еще 500 рублей также на два года¹⁴.

По-видимому, первая попытка посылки крепостных служителей в Европу закончилась неудачей, поскольку в дальнейшем о подобных опытах Н. А. Демидова ничего неизвестно. Вероятно, провал был связан с тем, что заводчик разочаровался в семьях Шерлаимовых и Зубриловых, которые, по-видимому, находились в родстве.

В 1784 г. вскрылось очень неприятное дело, нанесшее смертельный удар карьере как В. Зубрилова, так и И. Шерлаимова. Все началось со свары между Василием и другим приказчиком Петербургской домовой

конторы — Василием Евсеевым. Никита Акинфиевич в гневе писал: «усматриваю, что между Зубрилова и ево Евсеева по сделанной и законченной к самолюбию привычке козюканье не уменьшаетца, и в пренебрежение моей воли в делах согласия не имеют, почитая каждой себя великим, а потому друг з другом и говорить не хотят, отчего другого ожидать и не можно, как в делах моих и интересе упущения». Н. А. Демидов распорядился: «Во отвращение от сего, а в приведение их воле моей в повиновение в сходность моего от 26 числа июня сего года повеления, не получать им, пренебрегателям воли моей, за будущую сентябрьскую треть жалованья; то сие надеюсь скоряе может привести к должному повиновению, нежели мой гнев в повелениях предписуемой». Кроме того, Н. А. Демидов пригрозил смутьянам: «Когда же и за сим в делах моих... согласия иметь не будут, то лишатся нынешних их мест»¹⁵. Заводовладелец принял поспешное решение, которое, возможно, и сыграло в дальнейших обстоятельствах роковую роль. Не исключено, что невыплата обещанных денег и подтолкнула не особо чистого на руку приказчика к более смелым махинациям. При этом внешне В. Зубрилов действовал так, что его нельзя было ни в чем заподозрить. Н. А. Демидов был настолько удовлетворен улучшениями в работе Петербургской конторы, что даже распорядился в письме от 11 апреля 1784 г.: «За доказанную Евсеевым усердность в делах удержанное повелением моим от 28 числа августа прошлого 1783 года за неисполнение тогда моих предписаний за сентябрьскую того года треть жалованья, ему Евсееву, равно и товарищу ево Зубрилову из милости моей сим приказываю с запискою в расход выдать, я надеюсь, что сия моя милость далее принудит их, оставя уже междуособные несогласии, к единодушному усердию о моей пользе в исправлении дел»¹⁶.

Однако господская «милость» не помогла. Из письма Никиты Акинфиевича племянникам Александру и Петру от 30 мая 1784 г. мы узнаем, что «у находящагося при запродаже в заморской отпуск железа прикащика моего Зубрилова с служителем Белоглазовым оказалось в недостатке многотысячная сумма». Из этого же письма можно предположить, что посланные в Великобританию Зубрилов и Шерлаимов были родственниками. Во всяком случае, Иван Шерлаимов-старший был тестем Василия Зубрилова. В документе сказано: «Зубрилов, презря все мои милости и запрещения, имел с тестем своим, Иваном Шерлаимовым, торговлю и между прочим нынешней весною переслал к нему шесть бочек аглинскаго пива, да тут же в свяске и ваш прикащик Чирков находится, ибо они все троя для прикрытия своего плутовства по заведенной коммерции пересылаемые поклажи доставляли в ваш дом (имеется в виду дом Александра и Петра Григорьевичей. — *И. А.*) к Чиркову»¹⁷. Кроме того, Василий Зубрилов в Санкт-Петербурге взял под расписку в конторе

Ригеля, Аткиенса и Кетле 500 рублей якобы для хозяина. Причем англичане требовали уплаты долга с Никиты Акинфиевича. Заводчик в ярости написал следующее и о приказчике, и о его английских кредиторах: «господа агличане почитаемую в них окуратную верность обращают в пользу хищнику, чего я от них, а особливо от господина Ригеля, как давно уже знакомого мне человека и не надеялся; но видно зубриловские пронырствы и происходившее пред сим моим капиталом в их и ево пользу барышничество, превозмогло честное знакомство»¹⁸.

Судя по всему, первая неудачная посылка за границу служителей привела к тому, что впоследствии этот опыт долгое время не возобновлялся. Эта традиция была продолжена при Николае Никитиче Демидове, который возобновил практику подготовки людей за границей. К 1827 г. у Н. Н. Демидова действовала целая сеть представителей в крупнейших европейских городах: Париже, Вене, Лондоне, Триесте и др. Большинство из них составляли иностранцы, некоторые из них курировали подготовку демидовских людей.

Так, из письма Николая Никитича к Эдварду Спенсу (агенту в Гулле) мы узнаем, что в этот город в 1827 г. прибыл «молодой Попов», который должен был сменить там отпущенного на свободу Колунова. Судя по всему, речь шла о тех, кто был прислан на учебу¹⁹. Из другого письма Н. Н. Демидова мы узнаем о деятельности еще одного служителя — Швецова, который жил в Льеже и Брюсселе²⁰.

За границей учились также врачи. Среди них можно назвать некоего Вавилова, о котором заводчик в 1827 г. с сожалением писал, что он «забросил изучение медицины и хирургии», и которого Н. Н. Демидов в 1827 г. решил отозвать в Россию вместе с его коллегой Федором²¹.

Все увиденное на Урале привело Ф. Лепле в совершенный восторг. В своем фундаментальном труде «Европейские рабочие», который вышел незадолго до смерти автора, Ф. Лепле сформулировал свою идею разрешения противоречий между рабочими и хозяевами, что было навеяно несомненно уральскими впечатлениями. Это средство заключалось в том, чтобы строить отношения между трудом и капиталом так, как между русским заводчиком-помещиком и зависимыми от него крестьянами, мастерами и работными людьми. Ф. Лепле считал, что для разрешения социальных противоречий необходим «возврат к местным и общенациональным обычаям счастливых времен»²².

Таким образом, на Нижнетагильских заводах Демидовых еще во второй половине XVIII в. сформировалась система отношений патерналистского типа между хозяином и подчиненными. В первой половине XIX в. эта система достигла своего расцвета и приобрела свое научное обоснование в леплезиянской теории. Именно патерналистская система отношений, как способ разрешения противоречий между трудом и капиталом,

была прославлена лепезианцами в их трудах по рабочему вопросу во Франции. Восхваление патернализма способствовало привлечению в ряды лепезианцев представителей традиционных социальных институтов – европейской аристократии и католической церкви.

- ¹ См.: *Пирогова Е. П.* Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000.
- ² См.: *Savoie A.* Les continuateurs de Le Play au tournant du siècle // *Revue française sociologique*. 1981. Vol. 22. P. 315.
- ³ *Мондей К.* Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России // *Коммерция и государство в истории России (XVI — XX вв.)* : сб. исслед. Екатеринбург, 2001.
- ⁴ Это понятие использует французский исследователь П. Шоню, представитель 3-го поколения школы анналов (см.: *Шоню П.* Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005).
- ⁵ *Savoie A.* Frédéric Le Play à la découverte de la société russe. L'expédition en Russie méridionale // *Genèses*. 1998. Vol. 31, nr. 1. P. 123 — 124.
- ⁶ *Le Play F.* Lettre sur la question commerciale de la mer Noire et sur les principes qui doivent servir de base au développement du commerce extérieur de la France // *Les Études sociales*. 1999. Nr. 130. P. 103 – 131.
- ⁷ Политэкономический словарь. М., 1972. С. 207.
- ⁸ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000. С. 786.
- ⁹ Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. М., 2005. С. 489.
- ¹⁰ См.: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 588. Л. 136 об.
- ¹¹ Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова (1771—1773). Екатеринбург, 2005. С.74.
- ¹² Там же. С. 92.
- ¹³ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 40. Л. 42 об.
- ¹⁴ Там же. Д. 31. Л. 53.
- ¹⁵ Там же. Ф. 643. Оп. 1. Д. 42. Л. 97–97 об.

¹⁶ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 45. Л. 27.

¹⁷ Там же. Л. 50–50 об.

¹⁸ Там же. Л. 95.

¹⁹ Там же. Д. 176. Л. 37 об. – 38.

²⁰ Там же. Л. 49 об.-50.

²¹ Там же. Л. 61 об. – 62 об.

²² *Le Play F. Les ouvriers européens. Études sur les travaux, la vie domestique et la condition morale des population ouvrières de l'Europe. Vol. 1. Paris, 1877. P. X – XI.*